

Наверное, скоро литература о Марсе превратится в фантастику ближнего прицела, которую после прочтения можно проверить – уже при этой жизни. Но человек по природе нетерпелив. И энтузиасты проекта «Марс-Тефо» решили обогнать время. Мы уже сейчас строим аналог марсианской станции и делаем интеракториум для детей и взрослых с учетом всех научных разработок в этой области.

А заглядывать в будущее нам помогают писатели-фантасты, потому что без игры воображения, на основе голых научных фактов, футурология просто скучна и недостоверна. Как долететь до своей мечты? Как укротить ее? И к чему в итоге приведет колонизация Красной планеты? На эти вопросы ответили авторы «Яблонь на Марсе». И пусть до цветения марсианских деревьев в нашем веке дело, скорее всего, не дойдет, но всегда лучше ставить высокую планку, не так ли?

ЯБЛОНИ НА МАРСЕ

FANTAVERSUM

Научная фантастика

ЯБЛОНИ НА МАРСЕ

FANTAVERSUM

Яблони на Марсе

Сборник фантастических рассказов

Научная фантастика

Серия основана в 2011 г.

Я14 Яблони на Марсе : сборник рассказов /
сост. А. Давыдова; илл. на обложке С. Дьячкин; дизайн
серии Н. Караванова. – М. : Фантаверсум, 2012. – 278 с. –
(Научная фантастика). – ISBN 978-5-905360-11-4.

Наверное, скоро литература о Марсе превратится в фантастику ближнего прицела, которую после прочтения можно проверить – уже при этой жизни. Но человек по природе нетерпелив. И энтузиасты проекта «Марс-Тефо» решили обогнать время. Мы уже сейчас строим аналог марсианской станции и делаем интеракториум для детей и взрослых с учетом всех научных разработок в этой области.

А заглядывать в будущее нам помогают писатели-фантасты, потому что без игры воображения, на основе голых научных фактов, футурология просто скучна и недостоверна. Как долететь до своей мечты? Как укротить ее? И к чему в итоге приведет колонизация Красной планеты? На эти вопросы ответили авторы «Яблонь на Марсе». И пусть до цветения марсианских деревьев в нашем веке дело, скорее всего, не дойдет, но всегда лучше ставить высокую планку, не так ли?

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445

Москва
«Фантаверсум»
2012

ISBN 978-5-905360-11-4

© ООО «Фантаверсум», 2012
© Караванова Н., дизайн серии, 2011

Содержание

Предисловие (от редактора и составителя)	3
«Марс-Тефо» – при чем тут Марс и что именно мы собираемся терраформировать?	5
Саженцы. Первый шаг	9
Мы мечтали. К. Шаинян	10
Перегоночная дальность. С. Фомичёв	30
Небо. П. Кормицкова	53
Стена. А. Бачило	67
Вода живая и мертвая. А. Давыдова	82
Молодые деревья. Герои на фронтире	91
Собрать кубик Рубика. О. Титов	92
Основа жизни. Б. Богданов	108
Но след мой в мире есть. А. Домина	119
Щит Марса. Копье Марса. А. Лычёв	127
Dead Moroz and новый GOD. Д. Перовский	141
Дожить до старости. О. Дорофеева	161
Где нет Луны. А. Игнатенко	170
Время собирать плоды. Воплощенная мечта	185
Прогулки по Питеру. Т. Скоренко	186
Чижик-пыхик – птичка певчая. В. Венгловский	199
Синяя ворона. И.А. Даль	215
Ништер. В. Колюжняк	237
Lux aeterna. С. Игнатьев	253

Предисловие

От редактора и составителя

Последние несколько лет мне кажется, что двадцать первый век принес с собой не только прогресс в технологиях и расширение информационного потока, в котором живет человек. Главное, что он принес с собой иронию, которая заменила пафос везде, где только возможно. Кто-то скажет, что это естественно, ведь мы живем в век постмодерна, а ирония – одна из его основных черт; кто-то заметит, что «раньше и трава казалась зеленее, и деревья – выше». А кому-то просто все равно. Вот последних мне всегда хочется растроить. И растроить книгой – не самый плохой способ.

Идея «Яблонь на Марсе» пришла мне после того, как я тщательно изучила содержимое павильона «Космос» на ВВЦ. Семена и саженцы. Выбитые окна. Саженцы и семена. Над ними – огромный купол и выцветший портрет Юрия Гагарина. С одной стороны, грустно. А с другой... На этой иронии отлично можно вырастить правильный пафос, ибо от саженца до яблони – недалеко. Стоит только захотеть...

И в первой части книги авторы как раз повествуют о том, что главное – желание, а все остальное приложится. Будь это стремление горстки людей реанимировать умирающую программу по покорению Марса или мечта одного человека, ради которой он готов прыгнуть выше головы. Ни на секунду не переставай верить в себя – не взрослого, рационального, ироничного себя, а себя-ребенка, ни на йоту не допускай того, что мечта окажется подделкой, и не ходи чужим путем, если свой тебе кажется правильным. Тогда у тебя будет шанс выйти из корабля на красные камни и посмотреть в чужое небо.

Но когда первый шаг сделан, наступает период борьбы. Борьбы со стихией, с обстоятельствами и, главное, с собой. Вторая часть сборника самая напряженная, здесь персонажи на фронтире сражаются

с Марсом, и война эта нелегкая. Недаром имя Красной планетыносит также бог войны. Климат, рельеф, миражи, безумие, расстояния... Был бы противник. А герои найдутся. Признаюсь, здесь очень велик соблазн отобрать рассказы только с позитивным сценарием, в стиле «победа – наше всё», но это оказалось бы слишком неправдоподобно. Поэтому в книге – во всех разделах – есть несколько довольно мрачных вещей. Без контрастных цветов общая картина получилась бы слишком пресной.

Третий раздел – ответ на вопрос: «И что в итоге получилось?» Достигли желаемого, справились с ним... Можно ли после этого наслаждаться результатом? Гордиться им? Чем Марс станет для Земли? А Земля – для Марса? Сюда вошли наиболее целостные рассказы, расставляющие точки над «и». Грусть, романтика, скепсис... палитра эмоций и опущений на любой вкус.

Так что будет марсианско яблоко горьким или сладким, останется после него оскомина или волшебный медвяный привкус – выбирать тебе, читатель. Тут в корзинке плоды всякие – зеленые, переспелые, червивые, глянцевые, даже просто воображаемые... Главное, что нет безвкусных подделок. Или с этикеткой «все равно».

Александра Давыдова

«Марс-Тефо» – при чем тут Марс и что именно мы собираемся терраформировать?

Да, действительно строим марсианскую станцию в павильоне «Космос» на ВВЦ.

Нет, мы не сошли с ума. Просто нам не все равно.

Если бы мы сказали, например, тринадцатилетнему мальчишке, живущему в шестидесятых годах прошлого века, что в будущем веке дети не будут мечтать о космосе, – он бы нам не поверил. Тем не менее это так. Профессия «космонавт» перестала быть самым популярным героическим ответом на вопрос «Кем хочешь стать, когда вырастешь?», а в главном космическом павильоне страны продают семена, саженцы и тяпки. Может быть, это кого-то устраивает... а нас – нет. И основной задачей проекта «Марс-Тефо. Экспедиция в будущее» мы видим возрождение интереса подростков к исследованию и изучению космоса.

Интеракториум «Марс-Тефо» представляет собой модель марсианской базы будущего в натуральную величину. Сюжет и содержание программ для посетителей станции выстроены вокруг темы освоения и терраформирования Марса.

Мы решили объединить в одном проекте развлечение, развитие и просвещение, в итоге получился сложный формат – интеракториум. Что же он собой представляет?

Во-первых, увлекательную сюжетно-ролевую игру в достоверных декорациях, в среде, насыщенной передовыми технологиями и суперсовременными гаджетами, создающими эффект погружения в моделируемую действительность.

Во-вторых, комплекс, предоставляющий возможность пополнить свои знания по тематике интеракториума, применить на практике полученные ранее умения и навыки, повысить свои компетенции, развить необходимые личностные качества.

В-третьих, экспериментальную площадку для ученых, инженеров, инноваторов, архитекторов, дизайнеров – с возможностью увидеть, как их замыслы и проекты реализуются и используются в процессе дальнейшего конструирования реальности.

При создании интерактивных программ планируется заложить в них, кроме очевидных и известных научных проблем, также до сих пор не решенные и не очевидные. Таким образом, создается почва для творчества, мозговых штурмов и поиска ответов; тем самым мы даем материал и создаем поводы для настоящих научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), решения изобретательских задач, возникновения инноваций и т.п.

Сюжетно-содержательная область проекта, задающая его целостность, неизбежно будет содержать в себе три основные составляющие.

Фантастическая часть обеспечивает тот сегмент, который относится к нереализуемым практически вещам, однако необходим для художественной и сюжетной целостности проекта, для создания атмосферы приключения, элементов шоу. Сборник «Яблони на Марсе» – детище как раз этого проектного сегмента.

Часть, относящаяся к области научно-технических и социокультурных гипотез и предположений, обеспечивает тот практический пласт, в рамках которого идет научно-технический поиск и эксперимент. Эта часть развивает творческое мышление, способность к освоению новых эффективных форм работы, к решению изобретательских задач, а также имеет непосредственное отношение к развитию компетенций.

Часть, соответствующая современному уровню научно-технического развития, возможная для непосредственной технической реализации в настоящее время, – это обращение к непосредственным навыкам и умениям, уже известным знаниям. Одним словом, просвещение в чистом виде и развитие компетенций и личностных качеств.

Все программы «Марс-Тефо. Экспедиция в будущее» имеют в разной пропорции два магистральных направления – приключенческое и интерактивное.

Одним из краеугольных камней проекта является развлекательная фантастико-приключенческая часть. Ее предназначение – эмоционально вовлечь участников в тему проекта, разбудить у ребят

энтузиазм и интерес к изучению космоса, найти новую аудиторию, обеспечить личную заинтересованность.

Сюжеты развлекательно-игровой части затрагивают жизнь на Марсе и в дальнем космосе, не объяснимые наукой явления, тайны и загадки, острые и экстремальные ситуации в деятельности «марсонавтов», неведомые опасности марсианских просторов, метеоритную угрозу – все это даст участникам массу впечатлений и пробудит интерес к Красной планете.

Развлекательно-игровая часть также способствует развитию личностных качеств: формированию образа «космического волка» – героя, который обладает храбростью, способностью рисковать, работоспособностью, решительностью и ценит верность, сотрудничество, узнавание нового.

Формирование таких компетенций, как решительность, инициатива, командное взаимодействие, лидерство, умение работать в состоянии конфликта, требует наличия в проектах развивающей тренинговой составляющей, завернутой в игровые и художественные образы и сюжеты. Ведь мы хотим, чтобы посетители «Марс-Тефо» не только вживались в новые для себя роли и рассуждали о судьбе космической станции или процесс терраформинга, но также извлекали из игры практическую пользу.

Компетенции – это конвертирование знаний, умений и навыков в практику. Мы выстраиваем пространство, где участники могут применить на практике полученные ими знания. Участник сам ставит себе конкретные задачи в рамках «полетного задания», самостоятельно решая, где и как применить свои умения, какие компетенции ему хотелось бы у себя сформировать.

Для этого очень важно оценивать результаты и достижения и обращать внимание на прогресс в личностном росте и развитии участника. Результаты будут фиксироваться в электронном виде, в виде призов, званий, должностей в нашей игре на марсианской базе – и обязательно зачтутся при повторном посещении.

Интерактивность игрового процесса в «Марс-Тефо» подразумевает активное взаимодействие любого участника с информационной и содержательной средой станции, изменяющее и формирующее саму эту среду. То есть предполагаются не только занятия по отработанным схемам и ознакомление с чем-то уже известным, но и:

- реальные научные исследования;
- постановка экспериментов;

– создание новых научно-технических разработок, устройств и программ.

Результаты этих исследований и экспериментов будут включаться в дальнейшую работу станции, ими смогут воспользоваться вновь приходящие «поколения марсонавтов». А значит, реальность марсианской станции сможет постепенно изменяться и развиваться силами самих участников. Переформатирование самой реальности – что может быть занимательнее?

Карина Шаинян

Мы мечтали

– Побежала, побежала! – азартно вскрикнул длинный как жердь, черный от загара фермер.

Китаец за рулем вздрогнул, и машина опасно вильнула. Вик вытянул шею в окно. По обочине пронеслась крупная рыжеватая птица на голенастых ногах. Суматошно захлопав крыльями, она нырнула в сторону – пестрые перья тут же слились с желтоватой травой. Вик отвернулся, жалея, что не успел включить цифровчик – мелочь, но, может, любителям природы пригодилась бы.

– Сообразила наконец! – хмыкнул длинный. – Как здесь пахать перестали, так они расплодились... Глупая птица: здоровая как конь, дури – по горло, а летать толком не умеет.

Дрофа скрылась из виду. Вик чихнул и закрыл окно. Ноздри забиты пылью, фермерский грузовик прыгает на ухабах так, что желудок вот-вот выскочит... Нет, вряд ли запись кто-нибудь купил бы. Ему не везло с оцифровками: обязательно какая-нибудь мелочь все испортит, не жара – так комар в руку вцепится. Хотя не в комарах, конечно, дело. Вон Глеба-Большого в Саянах жрали так, что он почесаться не успевал, а по его съемкам полсотни человек в день ходят.

Они были странник-сквоттеры. Странник – и от «странство-вать», и от «странны». Найти необычное место. Обжиться. Прочувствовать. Стать своим. Сделать оцифровку, создать новую чувствителку, по которой, возможно, потом будут ходить сотни людей, дуреющих от скуки в заново отстроенных по единому шаблону городах. Странник-сквоттеров можно встретить в монастырях и заброшенных деревнях, в джунглях, в пустынях, на антарктических станциях.

Глеб-Большой говорил, что их предками были берлинские хиппи, нелегалы из Тибета и гватемальские партизаны. Глеб-Большой жил на маяке, крокодиловой ферме, в замке на Луаре. В плавучей деревне морских цыган. На заброшенной вилле кокаинового короля, где в пробитые минометами дыры в стенах заходили лягушки, а то и кто-нибудь покрупнее...

Глеба считали лучшим. Большинство записей, как ни стараясь, какой навороченной аппаратурой ни пользуйся, – всегда разочаровывают. Вроде и был там, видел своими глазами, опустил на собственной шкуре – а все же что-то не то. Уж как извращались в Голливуде – и все равно ничего не выходило. Сделать достоверную чувствителку – великое искусство. Мало кто умеет это. Глеб – умеет.

Конечно, это была идея Глеба – пожить на заброшенном космолете, легендарном «Аресе», первом и последнем транспорте, доставившем людей на Марс. Лучшая идея за последние несколько лет. Вик искал в себе следы радости, но радости не было. Корабль не звал его. Корабль обживать не хотелось.

Грузовик притормозил, переваливаясь через «лежачий полицейский» перед перекрестком. От грунтовой дороги налево уходила древняя бетонка. У развилики стояла будка; жестяной козырек над входом уныло поскрипывал на ветру. Вдалеке виднелись серые кубы каких-то зданий.

– Больница, – сказал китаец. Его мускулистый затылок под короткими волосами собрался в напряженные складки. Долговязый поморщился и сплюнул.

Сквозь щели между дорожными плитами пробивались чахлые кусты. Рядом с серой от пыли будкой охраны качался рожевой шлагбаум. На шум машины неожиданно выглянула солдат с автоматом наперевес, проводил машину скучающим взглядом и снова скрылся за фанерными стенами. Вик покрепче вцепился в поручень, чтобы не свалиться с сиденья на очередной яме, и стал смотреть вперед, туда, где на горизонте уже виднелся Корабль.

Когда-то они мечтали. Они читали с фонариками под одеялом, липли к экранам, представляли себя в экипаже, среди

Сергей Фомичёв

Перегоночная дальность

Когда Старостин принял срочный вызов на совещание и прочел «бриф саммари», его кровь забурлила, а пульс участился, точно перед важным рискованным полетом. Он понял, что получил долгожданный шанс.

Человек сам определяет свою судьбу лишь до некоторых пределов. Далее простирается сфера чудес, где распоряжаются силы, разуму неподвластные.

Иногда чудеса случаются, но почти никогда они не являются в виде посыльного с подарочным свертком в руках. Чаще судьба лишь дает шанс, порой небольшой, совсем крохотный и, скорее всего, единственный. Но и его нужно еще распознать, а распознав, успеть воспользоваться. И тут важно быть готовым к событию и уметь ждать, не превращая ожидание в навязчивую идею, а потом, когда придет время, действовать упорно, быстро, без оглядки.

Петр Старостин ждал и готовился если не всю жизнь, то сознательную ее половину. Сознательным он ощущал себя с двадцати лет. Именно тогда он начал ставить перед собой долгосрочные цели и, что немаловажно, добивался их. Теперь он подобрался к пределу. И в переносном смысле, и в прямом. Сфера, где воплощаются мечты, совсем рядом, а он был готов пробить в ней брешь и имел к тому все возможности – получил нужную профессию, набрал колossalный опыт и числился шеф-пилотом Консорциума.

Большинство членов совета предпочитало жить в пригородах, в добрых особняках и добираться на службу в солидных авто. Старостин снимал апартаменты на соседней улице, всего в квартале от штаб-квартиры. Для перемещения ему не потребовался даже велосипед. На своих двоих он попал в зал совещаний одним из первых, а после четверть часа наблюдал, как тот заполняется менеджерами, экспертами, технарями. За минуту до начала один за другим стали появляться директора.

Лица директоров были хмурыми, и Петр внезапно поймал себя на некотором злорадстве. Обычно-то все выглядело наоборот. Хмурились технари, бухгалтеры и секретарши – в общем, весь подневольный люд, а директора улыбались телекамерам и приглашали друг друга на игру в гольф или обсуждали предстоящую прогулку на яхте.

Одним из последних в зал зашел представитель родного агентства. Старичок был доволен хотя бы тем, что третий год заходит в Сизэтле, а не бегает взмыленный по отечественным заводам, подгоняя поставщиков. Но и его закаленного интригами лица коснулась нешуточная тревога: синекура вдруг обросла не-предвиденными заботами.

Лишь председатель совета директоров Томсон сохранил невозмутимость. Едва он опустился в кресло, совещание началось, хотя часы давали опаздывающим еще пятнадцать секунд. Но Томсон считал себя сильнее времени.

– Ситуация следующая, – доложил секретарь. – Как вы уже знаете, три часа назад орбитер «Нева» совершил вынужденную посадку на гражданскую полосу одного из островов Микронезии. Ничего серьезного не случилось, отказалась система ориентирования, мы просто заменим сгоревший блок и все. Однако! Через две недели у нас крайняя дата в контракте на выведение кластера низкоорбитальных спутников связи. Да и прочие заказы поджимают. Заменить «Неву» сейчас нечем. «Астролябия» проходит модернизацию, у «Бигля» технические проблемы с двигателем, а «Мэтью» заряжен по научной программе, и использовать его в качестве транспорта мы не можем.

Полина Кормщикова

Небо

Это так страшно – оставаться одному в темноте. Я не помню, как выглядят мое лицо. Я слышу только свое дыхание и далекое гудение приборов. Мое жизненное пространство – два на два метра – включает в себя место для сна, санузел и угол с консервами и канистрами воды.

Я заставляю себя ходить по периметру каюты, держась за стены. Я уже не натыкаюсь на препятствия, потому что запомнил, где они расположены. Иногда я читаю: взял с собой е-книгу с фантастикой двадцатого века – рассказы американца Рэя Брэдбери. Я решил, что это символично – читать о Марсе во время полета на Марс. Но я вынужден читать редко – заряда батарейки хватит еще часов на двенадцать, а зарядить аккумулятор мне nowhere. Чаше всего я сплю.

Антон был курсантом Военно-космической академии имени Ф.А. Можайского. Он поступил на кафедру систем жизнеобеспечения для объектов космической инфраструктуры, что стоило ему немалых усилий. Пока его приятели во время школьных каникул путешествовали по Земле и общались со сверстниками, он штудировал энциклопедии, решал математические матрицы, а по вечерам пропадал в спортзалах.

Все ради Цели, во имя которой Антон был готов на многое. Полететь на Марс.

Поступление в академию – только ступенька на пути к Цели.

Антон считал себя неисправимым романтиком и втайне гордился этим. Что такое Марс? Шар красного грунта, который люди определили себе в пользование, но на самом деле им не принадлежащий. Однако во всем мире считали, что ресурсы ничьи не бывают, и были правы.

Ночами Антон искал в Сети новости с далекой Арсии, первого и пока единственного марсианского города, – фотографии разбитых под Куполом садов, зданий, так не похожих в своей функциональной простоте на вычурные питерские высотки, красновато-розового неба с крохотным шариком Солнца... Он бредил этим небом.

Антон знал – каждые два года на Марс отправлялся космический корабль. Он вез арсийцам технику, саженцы растений, провизию и новых поселенцев. Потом летел обратно, чтобы через два года вернуться.

Там нужны были инженеры.

Антон решил, что непременно станет лучшим специалистом в своей области. После окончания академии он попадет на этот корабль, чего бы это ему ни стоило.

Часы на е-книге говорят, что сейчас третье марта по земному календарю, но я им не верю. Не хочу верить. Это значит, что лететь еще два месяца.

Я не помню, как давно я здесь. За два месяца я просто свихнулся.

У меня появилась привычка говорить с собой вслух. Как будто в моей голове теперь есть кто-то еще. Я могу часами рассуждать о процессах ядерного распада, хотя ни черта в этом не смыслу, или декламировать только что придуманные стихи. Жаль, что никак не записать – к концу полета, глядишь, насочинял бы на целый сборник.

Великий поэт-инженер Антон Гинчев, ха!

Александр Бачило

Стена

Сверху Стена казалась не очень высокой, зато бесконечно длинной. Но кто же доверяет глазомеру, когда речь идет о Стене? В степи ее, должно быть, видно на огромном расстоянии, с привычной гордостью подумал Ксей. Наверное, там, в двух-трех днях пути от Острова, Стена выглядит как горная цепь, встающая над горизонтом. Жалко, что некому на нее посмотреть оттуда...

Он лег грудью на прохладный камень парапета и глянул вниз. Ровные ряды многотонных гранитных блоков ближе к земле казались обыкновенной кирпичной кладкой, а затем и вовсе сливаются в гладкую, блестящую, словно полированную поверхность. До чего же красиво сделано! Ксей радовался и за первых строителей Стены, и за себя. Ему было приятно, что он продолжает самую важную на свете работу и делает ее так же красиво и с душой, как старые мастера. Стена окружала остров по периметру и непрерывно надстраивалась, все новые тысячи каменных блоков укладывались в нее ровными, без оконниц и ворот, рядами. А зачем ворота, если некого выпускать?

С тех пор как первая волна Претворения докатилась до подножия Стены, в степях не осталось ничего живого. Трава – и та помертвела. Она больше не колыхалась на ветру, а стояла неподвижно, оплетинившись каменными иглами. Продраться сквозь эти заросли невозможно, если бы кому-то и пришла в голову такая глупость. И все же степь казалась полной движения. По ногам даже с невообразимой высоты смотровых площадок можно было слышать, как внизу трещит, хрустит и рассыпается твердое крошево. Черную гладь, уходящую к горизонту, время от времени неторопливо пересекали бледные световые пятна. Никто не

знал, что это, а гадать боялись. Ясно, что неживое, претворенное, а от претворенного добра не жди.

Когда-то – Ксей еще помнил те времена – вид со стены был другим. По левую руку, за пленной полосой, чернело море. По нему еще ходили корабли, добирающиеся, говорят, до живых, настоящих островов. Но и море исчезло, его вымакали, иссушали волны Претворения. Теперь и там, в плоскодонной яме бывшего морского ложа, топорщились каменные леса. Как взбаламутило ил в свое время, так он вихрами и засты.

Ксей вернулся в центр площадки и сел поближе к факелу. Газовая горелка хранила от натуги, испуская синее пламя, но тепла не давала. Ксей придвигнулся к огню калилью – массивную решетчатую конструкцию на колесах. Металл постепенно наился красным, оранжевым и, наконец, ярким белым сиянием. Пощел жар. Калилья засветилась нестерпимым блеском, а степь сразу потемнела, отступила в сумерки. Все видимое пространство ограничилось кругом смотровой площадки, с которой уже ничего нельзя было рассмотреть, если не встать у самого парапета, свесившись за край.

Зато огонь теперь видно издалека, подумал Ксей. Он снова поймал себя на желании быть увиденным кем-то там, внизу. Странная фантазия. Если бы даже кто-то там был, разве смог бы он отличить Ксеев огонь от тысячи других? Уж огней-то в небе, слава Водолею, хватает!

Сейчас же, будто в подтверждение, облака, пеленой накрывавшие степь, полыхнули желтым. Ксей начал считать мгновения: и-раз, и-два, и-три... где-то на сороковом сияющая ударная волна упала на облака сверху и пробила в них круглую, быстро расширяющуюся брешь. Стал виден огненный шар, догорающий высоко в небе.

– Водород, – со знанием дела сказал Ксей, – мало и далеко.

Однако вспышка достаточно осветила стену, чтобы он мог увидеть двигающихся к смотровой площадке людей. Это патруль шел его проверять.

На всякий случай Ксей поднялся и еще разок взболтнул лопатой клейкую жижу в корыте. Пусть начальство видит, что он тут не вспышки считает, а трудится на благо, готовит раствор к

Александра Давыдова

Вода живая и мертвая

2013 год

Карточка «самосборка» стоила шесть человеко-миллионов лет. А еще требовалася обязательного наличия в портфеле технологий «легких пространственных структур» и «искусственного интеллекта». Для последнего нужно было выкупать также «виртуальную реальность», а первым были необходимы «нанотехнологии». Которые, в свою очередь...

– Кирилл, собирай что угодно, но помни – я хочу жить вечно! – Сева был известным любителем громких фраз, вот и сейчас не изменил себе.

Кирилл шепотом выругался. Он терпеть не мог, когда сбивал с мысли. Особенно если собеседник повторяет одно и то же вот уже пятый раз за последний час.

– Живи, кто тебе мешает?

– Ты. Между прочим, это общее игровое поле. А ты его оккупировал со своими механизмами, вместо того чтобы...

– Чтобы...?

– Вот, например, биологическая реконструкция человека. Достройка ДНК. Прочие прелести. Гораздо перспективнее твоей инженерии в чистом виде, которая уже, по сути, прошлый век.

– Я хотя бы стараюсь построить логичное техно-дерево. На которое хватит игровых ресурсов. Чтобы не уйти в минус и не проиграть. А ты...

– А я хочу жить вечно в том будущем, которое мы строим! И мне плевать, сколько это будет стоить. Мечты сбываются, все дела.

Пока они спорили, противники с соседнего стола умыкнули из общей карточной колоды «холодный термояд» и совершили энергетический прорыв.

Перед подведением итогов игры Кирилл тайком выбрался из лектория, заставленного флипчартами и заваленного разноцветными карточками – ровным слоем по столам и даже немного по полу. Вышел на крошечный балкончик, смотрящий в тесный московский двор. Закурил.

Внизу цвели одуванчики, грелись на солнце полосатые коты. Дул теплый ветер, в воздухе кружились лепестки... Чего? То ли вишня, то ли яблоня. Кирилл всегда путал их на вид и даже под угрозой пистолета не смог бы различить. В конце концов, термин «цветущие по весне деревья» достаточно всеобъемлющий. А тонкости пусть волнуют садоводов.

Сева пришел следом. Сморщил нос:

– Перебивать куревом весенний ветер...

– Гораздо лучше, чем перебивать товарища, который пытается привести команду к победе.

– Под товарищем ты подразумеваешь себя?

Кирилл затушил сигарету о неровные деревянные перила, резко обернулся:

– Именно. Пока две трети команды треплются о судьбах России, о мире «Поднебесной», о прозрениях Азимова и о том, как нестерпимо хочется жить вечно, именно на плечи остальных ложится изучение правил и расчет ресурсов. Ладно, разговаривали бы о своих футурологических прозрениях, не мешая другим. Так нет же. Гораздо интереснее говорить под руку, так?

– Не мысли так приземленно, а? – Сева примиряющее улыбнулся. – Игра – это просто повод. Гораздо важнее обсудить мечты. Поставить самую высокую планку. Вдруг у кого-то случится прозрение? Вдруг мы вместе сможем заглянуть дальше, чем прогнозирует современная наука? Те же биотехнологии или новые способности человеческого мозга. Они живые, странные, гораздо более интересные, чем конструкции и механизмы, на которых ты пытался выстроить нашу стратегию. Непредсказуемые.

Олег Титов

Собрать кубик Рубика

– Я охреневаю с этого сюрреализма! – воскликнул Шура, вырвавшись из челнока. – Ты когда-нибудь такое видел, Миш?

– Нет, – угрюмо ответил я. – Такое – нет.

Красная тусклая пустыня от края до края. И небо над головой точно такого же оттенка. Кажется, что там, наверху, не воздушное пространство, а огромное зеркало, отражающее пески Марса.

Шура, вечно растрепанный крепыш-техник, подошел ко мне. Рука в грубой защитной рукавице хлопнула по плечу.

– Товарищ, верь! Еще лет пятнадцать, и здесь будет город-сад. Слушай, а отчего такой эффект? В прошлый раз даже днем звезды было видно.

– Атмосферники перестарались. Хотят вторую Венеру сделять.

– А, ну-ну. Удачи им.

Из челнока выбрались остальные два участника экспедиции. Денис, наш флегматичный капитан, присел и зачерпнул горсть песка. Красные ручейки протекали сквозь пальцы и падали, выбивая маленькие, но заметные облака.

– Дождей все еще нет, – заметил он. – Маловато для семнадцатого года терраформа.

Анастасия, маленькая голубоглазая красавица, тут же засуетилась:

– Господа! Живо все ко мне за масками!

– Да нафига они нужны, – поморщился Шура. – Здесь воздух как на Земле.

– Пойдем, пойдем, Эликзандер, – сказал я. – Лучше маска, чем потом легкие от дерhma всякого чистить.

Я пошел к Насте. Шура задержался, присел и, с силой оттолкнувшись от поверхности планеты, сделал сальто назад.

– Люблю Марс, – весело воскликнул он. – Легко стелет.

Денис покачал головой.

– Детский сад, штаны на лямках. Ведь не в первый раз здесь.

– Вот именно! Я знаю, как наслаждаться этим обстоятельством!

Из соседнего челнока начали выбираться корабельные техники. Их задача – построить нам временный дом и улететь. Наша – собрать и проверить все данные, чтобы доложить затем Земле, как идет терраформ.

Денис все сидел и пересыпал песок из руки в руку. Потом растер его между пальцами.

– Интересная пыль, – сказал он. – Слишком быстро оседает для Марса. И цвет слишком насыщенный. Здесь месторождений рядом нет никаких?

Я пожал плечами и надел маску.

Обустроились мы в жилом комплексе, установленном километрах в пяти от моря Сирен. Стандартная предосторожность от бурь и прочей ерунды. Моря на Марсе вот уже года три перестали быть чисто номинальными. Сейчас в них по плану уже должны были появиться водоросли – особенные, вырабатывающие воздух в несколько раз активнее обычных, чтобы компенсировать его потерю из-за низкой гравитации.

Контроль терраформа проводился непрерывно. Обычно на Марсе всегда работало не меньше двух групп. В этот раз еще одна сидела в Амазонии, неподалеку от Никс Олимпика, другая – у озера Исмены.

Уже на третий день закипела рутинная работа: Настя проводила доскональный анализ воздуха и почвы, Денис составлял геологические и топографические карты, следил за изменениями в атмосфере. Шура решал все проблемы с аппаратурой, параллельно ухиваясь за Настей. Мы с Денисом подозревали, что он периодически специально портит какой-нибудь прибор, чтобы побывать в ее обществе.

Борис Богданов

Основа жизни

Говорят, Марс – красная планета. Не верьте! Он разный и цветной. Он рыжий, он белый, он серебрится тонким песком дюн. Там, где горные породы прорываются наружу, сквозь вездесущий песок, можно увидеть все цвета радуги. Хотя красный цвет – главный. Красный и немного желтого.

Но совсем нет синего и голубого, и это казалось Вене обиднее всего! Красный и желтый должны дополняться голубым, иначе мир ущербен. Но человек предполагает, а Марс располагает.

Еще располагал начальник экспедиции, Феликс Багратионович.

– Потряхивает, – обратился он к ногам Вениамина. Ноги зашевились, и из недр видеомодуля появилось недовольное остальное. – Собирайся, пройди по территории, проверь сейсмiku. Не нравится мне что-то. Данные с ощущениями не бьют.

– Но я, – начал Веня Решетов, программист, сейсмолог, схемотехник, электронщик, а также «подай-принеси», как и любой другой участник экспедиции без научной степени.

– Доделаешь потом.

Это было четыре часа назад.

Редкая сеть сейсмодатчиков вокруг станции уходила в пустыню на десяток километров во все стороны. Марсотрясения – штука редкая, но неприятная, и исследование активности коры стало, после разведки месторождений воды, важнейшей задачей экспедиции.

Ближние датчики Вениамин проверил быстро. Местность неподалеку от жилая купола давно уже была изъезжена вдоль и поперек, выглажена гусеницами вездеходов и электрокаров. Крупные барханы пошли в дело, в основу пенобетона, и сейсмо-

датчики – тяжелые свинцово-серые цилиндры с длинным хлыстом антенны наверху – торчали прямо в скальном основании плато. Курорт, а не работа! Подогнать тележку электрокара к датчику, отьюстировать, снять показания, отправить тестовый импульс на базу, получить подтверждение – пять минут, и можно отправляться дальше.

Дальше стало труднее.

Электрокар устало мял песок между барханами, жалуясь на нехватку сил, поэтому Решетов шел рядом. «Греть от тяжести земной!» – то ли уговаривал себя, то ли иронизировал он, загребая ногами. Ниже гравитация, говорите? А про усиленный вакуум-сказандров вы забыли? А про массивные баллоны с кислородом? Про модуль вторичной переработки, наконец... Если посчитать, сейчас Веня весил в полтора раза больше, чем на Земле. Проваливаясь с каждым шагом почти по колено, Вениамин взобрался на верхушку бархана и сел рядом с антенной сейсмодатчика. Бродячая дюна совсем засыпала его, оставив короткий полуметровый кончик. «Повезет кому-то – расчищать», – подумал Веня и задышал реже: регенератор за спиной натужно подрагивал, поглощая из воздуха внутри шлема влагу и углекислоту. «Еще и аккумуляторы, черт», – ругнулся Вениамин и достал тестер. Для проверки датчика,укрытого грунтом, требовалось ввести поправочные коэффициенты. На глубину залегания, на плотность окружающего песка... Рутина, быстрая только на первый взгляд. Прибор достаточно было закрепить на антенне, дальше все шло автоматически, но очень-очень неторопливо! Причем чем глубже был датчик, тем медленнее.

Веня не успел еще подключить тестер, как внизу дрогнуло, и широкий пласт песка с шипением поехал вниз, к основанию дюны. Потряхивает, да... Раскинув руки и ноги, Веня распластился на песчаной волне. Главное – держаться сверху. Засыпает – не выберешься. Дождавшись, когда песок успокоится, Вениамин встал и с досадой посмотрел на оставшийся далеко вверху хлыст антенны. Опять на верхотуру, да с этим ящиков на спине!

– База, база, – защелкал кнопками коммуникатора в поисках волны. Наушники откликнулись шипением и свистом. Марсотрясение – всегда перебои в связи. Повышенная ионизация

Анна Домина

Но след мой в мире есть

Каравелла легко скользила по водной глади. Наполнялись утренним бризом и беззвучно хлопали паруса с большими красными крестами. Матросы сновали по вантам. На капитанском мостике, приложив руку ко лбу и глядя вдаль, неподвижно стоял человек в причудливой шляпе и долгоногом камзоле.

«О, ойнопа понтон!.. Хотя какая уж тут ойнопа, не Улисс все же, Колумб». Пилот Мэтью О'Брайен досадливо прищурился: слишком далека была красавица-каравелла, а любая оптика в деле изучения кораблей-призраков совершенно бесполезна. И все же зрешило было на редкость впечатляющим: аквамариновая морская пучина, белые паруса каравеллы и розово-красное марсианско небо, подернутое голубыми облаками. Вытерев слезящиеся от напряжения глаза и вздохнув, пилот щелкнул кнопкой фона.

– Это О'Брайен. Докладываю, кэп. Я в кратере Колумба. Температура грунта – минус пятьдесят градусов по Цельсию, радиационный фон в норме, давление – шесть миллибар и продолжает падать. В двадцати милях от меня замечен пылевой вихрь, в связи с чем ожидается временное помутнение и исчезновение миражей. В настоящий момент в пределах видимости имеется парусник, по-моему, это «Санта-Мария», потому что детали оснастки...

– Ближе к делу, Мэтью, детали оснастки меня совершенно не интересуют.

– Хорошо, кэп. Расстояние до миража порядка двух миль. Пробы грунта на северном склоне взяты, исследовательская программа запущена. Какие будут указания?

– Возвращайся на станцию, с пылевой бурей шутки плохи.

– Одну минуту, кэп, очень уж хочется поближе на Колумба глянуть!

– Не валяй дурака, Мэтью! Неужели тебя в детстве не водили в музей? Голограммы ничуть не хуже здешних картинок.

– Не скажите, капитан. Где вы видели гологramмы по пятьдесят миль в диаметре?

– Ты же знаешь, Мэтью, что к настоящему Колумбу это не имеет никакого отношения. Всего лишь кристаллизация нашего представления о нем. В любом случае возвращайся, это приказ.

– Слушаюсь, кэп.

Мэтью нехотя развернул своего «осьминога», собираясь двинуться в сторону станции, когда увидел, что «Санта-Мария» изменила курс и постепенно приближается к нему.

«Черт! Как мне везет!» – Мэтью почувствовал, что от волнения у него вспотели ладони. До сих пор никому не удавалось подобраться к миражам ближе чем на полмили. Самым удачливым оказался разведчик из состава второй экспедиции Эркюль Легран – десять лет назад вблизи уступов Цербера. Позднее Легран шутя уверял, что у него и не было никакого желания подходить к гигантскому трехголовому псу, хоть и призраку, совсем близко.

Большинство миражей не обладали ни размахом, ни эффективностью того, что видел сейчас Мэтью. В основном это были учёные мужи – астрономы, угробившие жизнь на изучение марсианских каналов, бородатые естествоиспытатели, подвижники науки. Как правило, взору наблюдателя они представляли, припав к окуляру телескопа или сидя перед монитором компьютера. Все они были глубоко безразличны Мэтью. Как-то он пытался присмотреться к бородатому Фламмариону, но тот уже через пять минут усыпал его своей флегматичностью.

Но тут другое дело – сам Христофор Колумб плавет прямиком к нему, гордому сыну Ирландии, Мэтью О'Брайену. С таким зрелищем могли бы поспорить разве что Медуза или Цербер. Не отказался бы Мэтью и от того, чтобы получше рассмотреть горящий Флегетон, побывать в Элизии, Утопии, долине Дао... Эх, да что там! Самое обидное, что он, Мэтью, будет видеть совсем не то, что видят капитан или приятель Мэтью, механик Дик. Если человек первый раз слышит о Медузе Горгоне, то его мираж бу-

Александр Лычёв

Щит Марса.

Копье Марса

– Нет, не может быть! – прошипела Зухра, впившись взглядом в экран сканера. Увы – ошибки не было: на поверхности Марса однозначно находились люди.

– Зу, спокойно! Это наверняка не по нашей части, – хотелось бы мне и самому в это верить. Потому как если нет, то проблемы у нас только начинаются. Хотя, конечно, что за проблемы? Есть ли в Солярии хоть один человек, от исследователей солнечной короны на Меркурии до членов экспедиции к Седне, который бы не знал, что сегодня планируется на Марсе? Нет, таких людей не существует – за исключением не способных осознавать происходящее по слишком юному возрасту или по наличию глубоких проблем психиатрического характера. Раз так, то любой, кто оказался сейчас на планете, попал туда добровольно и сам должен нести за это ответственность. Об этом маршал Егоров, ответственный за данную часть марсианского проекта, говорил много – много – раз. Ему можно верить: в Войну он пообещал взять Алыйскую Цитадель – и взял, между прочим.

Все колонисты тоже покинули поверхность – это проверено. Копье Марса – орбитальный лифт – уже отстыковано от основания и после окончания активной фазы проекта пристыкуется вновь. Если основание устоит, понятно. Ну, не устоит – новое построим.

Так, может, ну их к черту тогда? Некоторые группы протестующих – полоумные экологисты, какие-то религиозные фанатики – обещали сделать все возможное, чтобы проект сорвался, и от них как раз можно ожидать чего угодно, в том числе – прорыва на планету, чтобы стать «живым щитом»... Но Егоров сказал, что плевать он хотел на эти щиты, его волнует только «Щит Марса»:

а осознанное самоубийство разрешено, согласно закону двадцать девятого года об эвтаназии. И как тут ему не поверить?

А раз так, то это могут оказаться и не экстремисты. А просто какая-нибудь нелепая случайность...

Похоже, Зухра пришла к таким же выводам. И ответила на вызов.

– Не может быть, чтобы мы тоже были когда-то такими идиотами?! – спрашивала потом Зу.

Ну да. Мы, конечно, были еще большими идиотами в их возрасте. Кроме нее одной, разумеется. Хотя...

...Последний день пребывания на Марсе в летней школе! Потом две недели пути домой – и каникулы кончились... Конечно, летняя школа – далеко не отдых, но кто из фанатов космоса упустит такую возможность? Между прочим, пришло еще и на всесоюзной Олимпиаде в число призеров войти, чтобы попасть сюда!

Буквально все поначалу вызывало восторг: и марсиансское притяжение, и цвет неба, меняющийся от фиолетового до красного в зависимости от времени суток и погоды, и купола баз... Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, увы. Осталось только одно – Зарница. По сути та же Олимпиада, но действовать надо не только мозгами. Тем лучше! Кто же в четырнадцать лет от такого откажется...

Задание выглядело простым: подсветить лазером (приборы выдали всем) Деймос. Всего-навсего. Казалось бы – чего сложного? Попасть в него – не намного сложнее, чем с Земли – в Луну. Но... Попасть надо снизу, когда Дейм в зените или почти в зените. И выигрывает только тот, кто сделает это первым. А Деймос – вот именно сейчас – на обратной стороне планеты. И там – как назло – Великая Пылевая буря. Значит, светить надо из-за пределов атмосферы. Можно, конечно, и подождать – буря уляжется, а

Дмитрий Перовский

Dead Мороз and новый GOD

Невесомость изводит мозжечок неопределенностью.

Неопределенность отдает тошнотой.

Тошнота раздражает.

Раздражение сказывается на отношении к спутникам.

Вот вроде бы все логично и понятно, но постоянно хочется двинуть в ухо жизнерадостному доходяге Йозефу Брайману и плюнуть в спокойную физиономию солдафона «Пи Джи» Симпсона.

«Скорее бы уж на посадку», – в который раз повторяет про себя Боб Стравински и слатывает очередную противотошнотную пилюлю. Ожидание томит.

– Заметили, что каждый раз они поминают бога? – Брайман весьма говорлив и порой думает вслух.

– Кто «они»? – любящий точность Симпсон жаждет пояснений.

– Те, кто с нами начинает разговаривать. Это началось еще на земной орбитальной станции, продолжилось в полете и не прекращается до сих пор. Могу спорить, что даже русский пилот, что повезет нас в колонию, вздохнет «oh my god».

– Сюрприз... Я думал, что мы уже на все темы переговорили... Действительно не знаете? Хм... – усмехается Симпсон. – Приказка, дающая понять, что вы «чайник», который возомнил из себя эксперта. Астронавты так издеваются.

– Слово «god» не имеет отношения к богу, – поясняет Боб, видя непонимающее лицо гения. – Это аббревиатура, от «guу off department». Конечно, в выражении «парень из департамента» уместнее from, только off точнее передает аналогию с выкидышем.

– А, так это ругательство! – светлеет лицом Брайман. Видя, что ученый радуется своему маленькому открытию, Стравински понимающее улыбается – он тоже из породы умников, идущих по следу вечно ускользающей истины, и ему близка дотошность гения. Но, честно говоря, за время полета въедливость Браймана уже достала. Может быть, тошнота не от отсутствия веса?

– Скорее игра слов, – уточняет Боб, пожимая плечами, – вас никто не хочет оскорбить. По крайней мере намеренно.

– Как знать. – Голубые глаза капитана Симпсона холодны. Странный тип – по выражению его лица Стравински за четырнадцать месяцев так и не научился определять, когда тот шутит, а когда говорит всерьез. – Я воспринимаю это как «отвали, придурок» или «что с лоха взяло».

– Английский, несмотря на Шекспира, довольно беден на изыски преображения слов, но иносказательность присутствует у всех языковых групп. Образуется, правда, она по разным правилам. Германские ветви сосредоточены на точности, что более подходит инженерии и военному делу, – бормочет, даже ни к кому конкретно не обращаясь, Брайман. Все ищет доказательства теории лингвотригтера.

Их странную группу создали чуть более года назад, а затем, практически без серьезной подготовки, послали на Марс. На удивление быстро все вопросы решались: управление полетами, скорее всего, боялось пропустить окно запуска. Так, прошли общий курс подготовки, как у туристов. И почему медкомиссия не забраковала?

Капитан Пол Джейфри Симпсон – военный историк, знаток тактических и стратегических выкладок, которого тем не менее трудно отнести к разряду типичных ученых. Скорее научный консультант, жизнь которого разделена на сектора, и каждый под определенным грифом секретности.

Впрочем, они все здесь нетипичные.

Йозеф Брайман – исследователь, обладающий впечатляющими познаниями в физике, химии, биологии, а также множестве других научных дисциплин. Ходячая энциклопедия. Признанный гений, хотя глубина его познаний уступает обширности. Но, как

Ольга Дорофеева

Дожить до старости

Все мальчишки одинаковы.

Артем Быстров еще достаточно помнил свое детство, чтобы утверждать: Рума ушел из-под купола специально.

Хотел что-то посмотреть или найти: надел маску-фильтр с запасом кислорода, никому ничего не сказал... А охрана, как всегда, слишком много плятится в видеофоны... пацан просто прошмыгнулся мимо и был таков.

Худенький большеголовый мальчик с темными больными глазами... Артем тряхнул головой, прогоняя видение. Не время думать об этом. Он не знает, как выглядит Рума, но это неважно. Надо спасать ребенка.

– Я тоже поеду. – Он встал, потом растерянно наклонился к планшету, чтобы руки попали в поле зрения визора. – Извините, коллеги, не могу. Не могу ничего обсуждать, пока мальчишка бродит где-то по пустыне.

– Ты уверен? – спросил Якимов. Остальные молчали.

– Конечно. Наташа, – он повернулся к сидевшей по правую руку изящной женщине – секретарю, ассистенту, помощнику, да всему на свете, особенно после того, что случилось с его семьей. – На всякий случай: файлы, все данные по генератору про-дублированы пластиковыми копиями, они в сейфе. Мой пароль для планшета ты знаешь. Вот, наверное, и все.

Женщина качнула головой, украшенной тяжелым пучком волос:

– Удачи. И... берегите себя, Артем Сергеевич.

– Постараюсь, спасибо. Но, боюсь, что не в первую очередь. – Артем подошел к стенной панели, достал куртку. – Прежде всего – все-таки дети...

– Что-то мне не нравятся твои разговоры, – грубо说道 вмешался Якимов. – Ты на квадроцикле? Тогда я еду с тобой.

– Хорошо, Дим, – он хотел сказать: «Не ожидал», но смолчал.

У дежурного по НПО они взяли маски и ключи от служебного вездехода, отметились на выезде. За пределами купола небо было по-настоящему марсианским: густо-оранжевым, белесо-желтым вокруг солнца, с темными грязными тучами на линии горизонта.

– Куда? – спросил севший за руль Якимов.

– Думаю... думаю, что к развалинам.

– Так далеко? Спасатели ищут его рядом с куполом.

– Ну, а мы поедем к развалинам, – с извиняющейся интонацией ответил Артем.

На самом деле он был уверен. Куда еще пойдет мальчишка? Конечно, искать следы древних марсиан! Разве можно довериться в таком вопросе ученым и археологам? Что они вообще понимают? Ничего не нашли? Так плохо искали! Наверняка поленились заглянуть в полузаставленный лаз, прошли мимо камня с письменами, не заметили секретного рычага. Взял скейтборд и полетел. Собирался вернуться через пару часов, пока мать не хватилась, но что-то пошло не так. А рисковать жизнью ребенка они не имели права. Слишком дорогой стала каждая такая жизнь.

В детстве Артем тоже мечтал исследовать древние гробницы, найти сокровища или записи с утерянными знаниями. Все мальчишки бредили длинноногой авантюристкой из американского фильма, Ларой Крофт, – то ли влюблялись в нее, то ли завидовали. Детей тогда было много, почти в каждой семье: по улицам гуляли мечтательные школьницы, во дворах собирались шумные компании футболистов и хулиганов, мордатые карапузы возились в песочницах под надзором бдительного материнского ока. Что случилось с человечеством за двадцать с лишним лет? – с тоской подумал Артем.

Его детство пришлось на нелегкое время. Несмотря на юный демократический режим и высокие технологии, в стране было немало нищеты, разрухи и воровства. Неизвестно, чему Артем

Анна Игнатенко

Где нет Луны

– Па-а-ап. А почему небо синее?

Аксен повертелся на месте, будто бы устраиваясь поудобнее. На самом деле аппаратура корректировала угол обзора под восприятие пятилетнего мальчика.

– Потому что воздух в верхних слоях атмосферы преломляет солнечные лучи, и мы видим небо синим. Если б не этот эффект, небо было бы черным. С ярко-желтым Солнцем.

– Как здесь?

– Да, как здесь. А где ты видел синее небо?

Аксен оживился.

– На Фолкнерах! Пап, оно такое! Глубокое. Мальчики говорили, что если серое – это тучи. А у нас все время серое...

Антон автоматически протянул руку и обозначил поглаживание металлического «крабика».

– Еще поедете туда?

– Да! – мальчик опять оживился. – Через неделю! И потом еще в Норвегию. Звезды смотреть! Там сейчас зима и все время ночь. И звезды не исчезают. И Луна. Пап, а тебя видно будет с Земли?

– Не знаю даже, – Антон сделал вид, что задумался. – Тот месяц я на видимой части Луны, но в серп не всегда попадаю. Надо будет ближе к сроку график движения тени посмотреть.

Повисла пауза. Антон тихонько выдохнул и покосился на «крабика», пристроившегося на соседнем сиденье. По опыту он знал, что сейчас начнется новый поток вопросов. Интересно, что будет на этот раз? Музыка? География? Модульное расписание современной школы позволяло детям узнать и усвоить множе-

ство сведений, но вот родители, успевшие забыть обо всем неожиданном, регулярно чувствовали себя недоучками.

– Па-ап.

«Началось».

– А что такое биоресурсы?

Антон выдохнул. Это вам не направленная мутация амеб, на это обычный доктор инженерных наук вполне способен ответить. Главное – простыми словами объяснять и помнить, что «много знаний» не значит «взрослый».

– Это все живое, что есть на Земле. Животные, растения. Некоторая часть планеты имеет очень скучные запасы биоресурсов. Те, кто сумел сохранить больше живого на своей территории, являются базой для нового распространения жизни. На Земле и за ее пределами.

– А мы? Что мы распространяем?

Аксен явно хитрил, но Антон не стал укорять этим сына. Им не так легко было найти темы для разговоров. Родственники писали, что у мальчика есть разработанный с консультантом план общения с отцом.

– Энергию. Это то, что производят наш регион. То, чем мы богаты.

– И поэтому у нас почти не видно Солнца?

– Да. Но воздух, которым мы дышим, – чистый. Это важнее. А за солнцем можно летать на острова.

– Или на Луну?

Антон улыбнулся.

– Или на Луну.

– Он будет помнить все наши разговоры?

– После синхронизации информация усваивается постепенно. Будет ощущение контакта, возможно, он «вспомнит», что вы ему снились. Или звонили по телефону. Может, даже приехали на выходной.

– Приехал?

Тим Скоренко

Прогулки по Питеру

I

Никита шел по Шипкинскому переулку к Загребскому бульвару. У самого перекрестка он чуть не столкнулся с Женей из экстремального отдела, при этом неудачно отшатнувшись в сторону и ударившись плечом о переборку.

– С тобой все в порядке? – спросила Женя.

– Ты как в американском фильме.

– В смысле?

– Они все время спрашивают: are you okay? Мужику оторвали голову, например, а они: are you okay?

Женя рассмеялась и, ничего больше не сказав, пошла дальше по коридору. Никита посмотрел ей вслед: ножки полноватые, но, в общем, стройные, талия тонкая, так и тянет обнять. Но нельзя, Женя – девушка Вахо, а тот по-грузински горяч, даром что никогда своей Грузии даже издалека не видел. Ну, или видел – в телескоп.

Никита свернул на Загребский и пошел по направлению к Малой Балканской. Он немного опаздывал, но бегать по узким коридорам станции категорически запрещалось, – и недаром. Поворотов и развилок было много, народу на «Санкт-Петербург» тоже жило немало, и случаи столкновений с последующей госпитализацией участников происходили регулярно. Бежишишь себе по коридору, а из-за угла выскакивает другой джигит – вот тебе и шишкы у обоих. В принципе сотрудники нередко позволяли себе передвигаться быстрее обычного, но если их ловил на этом Николай Иванович, приходилось несладко. Николай Иванович в первую очередь заносил имя провинившегося в свою базу, про-

званную «черным блокнотом», а во вторую – впаивал выговор с лишением пряников. В общем, никакой радости.

Когда Никита вошел в Колонну, Вадим молча поднялся и посмотрел на сменщика с укоризной. Он умел так смотреть, что никакие слова были не нужны.

– Ну знаю я, знаю. С Женькой столкнулся, вот и опоздал.

– Ты что, двадцать минут с ней разговаривал?

Никита понял, что оправдание глупое. Вадик отлично знал, что Никита опасается Вахо и потому с Женькой разве что вежливо здоровается.

– Ладно, поймал. Я просто поздно вышел.

– Я скажу Коляну, чтобы он тоже поздно вышел.

– Скажи.

– О'кей.

Вадим вышел.

– I'm okay, – сказал Никита в пустоту и бросил взгляд на мониторы.

В Колонне размещался наблюдательный пост. В принципе приборы неплохо за всем следили, но человек по-прежнему оставался незаменимым. Робот мог устранить только стандартную неполадку, человек – любую. «Творчество! Вот что отличает человека от машины!» – говорил при случае Николай Иванович. В свое время он организовал на станции целую кучу кружков – от рукодельного до геологического. Каждый сотрудник обязан был записаться хотя бы в два кружка. Ну, то есть не то чтобы обязан, но Николай Иванович мог вызвать к себе, строго посмотреть и спросить: почему не проявляешь активность? И лишить за это пряников.

На главный монитор Вадим обычно выводил западный периметр. С запада чаще всего приходили песчаные бури и прочие напасти. Малые мониторы справа транслировали картины станционной жизни – балетный кружок в парке Интернационалистов, серверную в районе проспекта Девятого января и так далее. В принципе Никита мог делать во время дежурства все что угодно – например, спать, есть или читать. Но в случае неожиданного визита Николая Ивановича он бы получил по полной программе. Николай Иванович не следил за тем, кто должен дежурить в то

Владимир Венгловский

Чижик-пыжик – птичка певчая

Человек в скафандре космодесантника сидел возле самого Колодца. Увидев меня, он поднялся и шагнул навстречу. Голубые глаза светились радостью. Темная челка под пластиком шлема хулигански спадала на лоб.

– Сегодня у меня... прости, у нас, радость, – вместо приветствия с ходу сообщил он. – Смотри.

И протянул мне на ладони записную книжку.

– Что это? – спросил я. – Неужели ее? «Записи Инги Одынец, Марс, 2056 год». Где нашел?! Откуда?! Неужели!.. Возвращается, да?

– Да! – воскликнул он. – Представляешь! Идут обратные волны. Все возвращается. Мы... Я... Господи, я вычислю период. Все будет хорошо. Это уже больше, чем слепая надежда. Ведь правда, да? – заглянул он мне в глаза.

На скафандре космодесантника сидела маленькая птичка. Я погладил своего, точно такого же чижика-пыжика, удивившегося клейкими коготками за гермоткань на груди.

Все будет хорошо.

* * *

– Защищайся, подлый сараин!

– От сарацина и слышу! Тоже мне, крестоносец нашелся! Ах, ты так! Получай!

Удары затупленных мечей эхом отражались от стен спортзала. Ничто так не помогает вновь привыкнуть к земной силе тяжести, как фехтование.

Олег рубанул сплеча. Я едва успел отразить выпад.
«Бам-м-м!»

На мгновение мечи замерли. Олег вытянул руки, целясь острием в голову. Клинки скользнули друг по другу, и я успел поднять рукоять, отбивая лезвие гардой.

– Ха! – Олег быстрым движением высвободил меч и, рискуя и открываясь, провел колющий выпад в живот.

Нет уж, это тебе не легкая шпага. И если ты больше привык к невесомости и силовому экзоскелету, чем к земной гравитации...

Ты очень медленный.

Я отбил его меч в сторону, шагнул вперед и толкнул Олега плечом. Мой друг с грохотом повалился на пол, выпуская оружие из рук.

И слабый...

– Так нечестно! – завопил Олег.

– Проклятый язычник, бой не бывает нечестным! Проси пощады, космодесантник!

Меч уперся острием в его решетчатую маску.

– Пощады, Макс! – смеясь, попросил мой друг, поднимая ладонь вверх.

Я протянул руку и помог Олегу подняться.

– Уф-ф-ф, – сказал он, снимая маску и вытирая пот со лба, – хорошо ты меня сегодня погонял. Ничего, недельку-другую, и мы сравняем счет.

– Олег, – тихо произнес я, – у меня нет этой недельки. Я возвращаюсь через пять дней на «Альтаире».

– Ты же только что прилетел... Эх... Значит, на Выборы и обратно, да? Вот как? Совсем одичаешь на своем Марсе, Одынец. С таким успехом мог бы и вообще не возвращаться. Там, у себя, и проголосовать, а с родителями только по визио общаться, не выходя из-под купола. Домосед! Марсианин! Были они смуглые и золотоглазые.

Я промолчал.

– Макс, – вдруг сказал Олег, положив руку мне на плечо, – я же не просто так пришел, ты знаешь. Ты нужен мне там, среди астероидов. Людей не хватает. Ты же тоже космодесантник, Максим.

И.А. Да́ль

Синяя ворона

Не навреди.
Гиппократ

Когда все вокруг улыбаются, улыбка теряет значение. На станции терраформинга «Марс 9» улыбаются все. Непробиваемый оптимизм – естественное состояние поселенцев. Но улыбка, сиявшая на лице Линды Хармони, была шире и светлее обычной, и это настораживало. Не переставая улыбаться, она сделала глубокий выдох, словно пытаясь заразить меня радостью. К потолку взмыло облачко пара. В моей клинике поддерживается отрицательная температура – мне так комфортнее, но люди мерзнут. Чувствовалось, что у Линды есть новость. Важная. Очень важная. И Линда наслаждается каждой секундой: она знает, а я – нет. Как мало нужно человеку для счастья.

– В чем дело, миссис Хармони? – поинтересовался я.
– Лео, – ответила Линда. – Мальчишка, сын Аля и Тани. Их фамилия Кэс...

– Я знаю. Что он сделал?
– Насилие. Он ударил ребенка.
Я сменил выражение лица с заинтересованного на сосредоточенное:
– Кого?
– Младшую сестренку.
Синхронизировав внимание с состраданием, я спросил:
– Степень повреждений?
– Я видела кровь, – ответила миссис Хармони со все той же широкой улыбкой.

Без суеты, но быстро я разложил по карманам все, что может понадобиться, и двинулся к выходу:

– Где это произошло?
– Не стоит так спешить, доктор! С малышкой все в порядке. Она не понимала главного: кровь десятка девчушек и воловину не так важна, как Лео.
– Когда это случилось? – Я уже стоял в дальнем конце кабинета, у термошлюза.
– Пять-шесть минут назад.
– Куда он ее ударил?
– По лицу, кровь шла из носа.
– Вы сами это видели?
– Нет-нет, они играли на рекре-уровне... – Она слатывала звуки, рассказывая: нехороший признак. – А мы, то есть я и Света Клифф, занимались на бег-дорожке... недалеко, когда услышали крик, а потом плач. Девочка выскочила из-за кадок с лимонами... Кровь на лице! Она плакала. А он... то есть Лео, погнался за ней, подхватил на руки и... И они уехали вниз на лифте... Мы не успели остановить. Все... то есть многие, кто был в парке, видели, как она бежала... И кровь...

Пристегивая кобуру к ремню, я сменил выражение лица на угрюмо-решительное и легонько подтолкнул Линду к выходу:

– Спасибо вам, миссис Хармони. Ваше сообщение очень важно.

Она расцвела.
– Давайте спустимся и продолжим расследование на месте. У Лео низкий индекс эмо-устойчивости. Худший в его поколении. Но лень, ложь, оскорблении или воровство – куда менее тяжкие проступки, чем насилие, в особенности по отношению к четырехлетней девочке.

Мы расселись по противоперегрузочным креслам лифта и пристегнулись. Через полторы секунды наступила невесомость – капсула начала свободное падение вниз, к жилым уровням.

– Как отреагировали родители? – продолжил опрос я.
– Не знаю. – Слабая улыбка и прикрытие глаза показали, что ее тошнит. Линда снова беременна? – Мы заглянули к ним, но

Виктор Колюжняк

Ништер

Корабль, прятавшийся в тени Фобоса, выжидал. Его яркая раскраска выглядела дико посреди черноты космоса, но не было никого, кто мог ее заметить. Тщательно рассчитанная траектория скрывала корабль от бесчисленного количества автоматических наблюдателей, расположившихся вокруг Марса.

На дисплеях, занимавших едва ли не треть стен тесной рубки, велся отсчет времени, оставшегося до наступления последнего этапа миссии.

Семь... Шесть... Пять...

Двигатели пробудились, накапливая энергию. В темноте, подсвеченные багряным светом сменявшихся цифр, блеснули глаза Ништера. Он шумно вдохнул прохладный воздух, шедший из корабельной вентиляции, и облизал пересохшие губы.

Четыре... Три... Два...

Втянув через трубочку воду из фляги, Ништер проверил крепление ремней и улыбнулся. На табло загорелась цифра «один», мигнула несколько раз, и тотчас же перегрузки вдавили пилота в кресло.

Корабль рванулся из тени на огромной, даже для межпланетных перелетов, скорости. Защитные станиции обнаружили его, но на долю секунды позже того, как он нырнул в разреженную атмосферу Марса. Лазерный луч бессмысленно вспорол черную пустоту космоса. Сигнал тревоги разлетелся по остальным наблюдателям. Красная планета развернула все доступные средства наблюдения и обороны в сторону дерзкого пришельца, пытаясь предотвратить то, чего она так давно боялась.

Тем временем Ништер, сжимая ребристую рукоять джойстика, лавировал в воздушных потоках на грани допустимого.

Корабль бросало из стороны в сторону и, несмотря на идеальную для входа в атмосферу форму, сжимало давлением, грозя расплнуть.

Бортовой компьютер заходился в панике, отчаянно сигналя об опасности для жизни. Ништер, на лице которого вздулись вены, шумно дышал и кривил губы в отчаянной усмешке. Влагоуловители работали на полную, всасывая пот едва ли не тут же, как он выступал на лице пилота. Внутри было до того сухо, что Ништер ощущал себя в пустыне.

Но это еще у него впереди.

Корабль достиг поверхности планеты и скользнул в глубокий каньон, помчался по нему, лавируя меж скалистых стен. Свободной рукой Ништер дотянулся до фляги. Отцепил ее и заменил запасной, после чего надел на голову шлем с фильтрами. Добравшись до нужной точки, перевел управление на автоматику и дернул рычаг катапульты.

Лок над кабиной открылся, и пилот выкинуло в марсианское небо. Автоматически раскрылся парашют. Сильный марсианский ветер тотчас же принял относить его в сторону. Это тоже было частью плана, но вот силу ветра Ништер не предусмотрел. Его несло слишком далеко от намеченной точки. Он посмотрел вниз – до поверхности планеты оставалось не более десяти метров.

Резким движением пилот отцепил стропы и упал.

От удара у него помутилось в глазах, а зубы противно заскрежетали. Тем не менее в остальном приземление можно было назвать удачным. Избавившись от ремней, Ништер встал.

Улыбнувшись крепкими белыми зубами, пилот внезапно заикался. Фильтры еще не заработали на полную мощь. Отпив чуть-чуть воды, Ништер прополоскал горло.

– Ништь, – пробормотал он и, сверившись с компасом, направился в нужную сторону.

Сергей Игнатьев

Lux aeterna

1. Антон Дерябин, Военно-Космические силы РФ

Ранняя осень набросилась на Москву с такой страстью и на-пором, что не справлялись погодные генераторы и терморегулирующие комплексы. Шелестящее зеленое море парков расцвело винно-красным и канареечно-желтым. Моросил дождь. Панорамные окна башен-новостроек будто подернулись пеленой слез, затуманились. Кибер-уборщики бестолково суетились, пытаясь разобраться с лужами и палой листвой.

Агния собирала вещи.

Я оставался ждать назначения.

Премьер Зубаков, играя морщинами на бугристом лбу, чекая слова, твердил с панели визора о росте валового внутреннего продукта.

Я сидел на кушетке с «икс-троникой», делая вид, что занят похождениями мультишного волка – ловлю корзиной яйца, перепрыгиваю метающих арбузы гиппопотамов и медведей-мотоциклистов. Согласно боевой задаче, изложенной в анимированном ролике, преследую зайца.

На самом деле я слился на четвертом уровне.

Поверх погасшего экранчика «икс-троники» смотрел, как Агния пытается уместить в рюкзак юбилейное издание «Страны бағровых туч» с золотым обрезом.

– Она-то зачем? – не удержался я. – Все равно что на Клондайк везти ПСС Джека Лондона. Некогда же будет... Оставь тут. Отдам, когда вернешься.

Агния посмотрела меня. Сдула со лба выбившуюся рыжую прядь.

Ничего не сказала.

В ее болотно-зеленых, с янтарной искрой глазах и так читалось предостаточно. И про наши былые литературные дискуссии. И про все остальные наши дискуссии. И про Клондайк. И про Джека Лондона. И про перспективу ее возвращения сюда. Ко мне.

Вздохнув, я пробежался пальцами по клавишам «икс-троники».

Волк нетерпеливо подергивался на стартовой позиции уровня. Мигал, жмурился, klaцаал зубами и призываю качал корзиной.

Я начал заполнять ее яйцами. В конце концов, за каждое давали целых двадцать очков.

Через день после отъезда Агнии я нашел на опустевшей книжной полке ее сережку.

Забыла? Или оставила нарочно? На память?

Сейчас я перебираю ее в пальцах. Маленькая стеклянная капсула с замком-петлей. Длинный тонкий крючок, вдеваемый в мочку уха, – фиксатора у него нет, очень легко потерять.

Внутри капсулы – крохотные гранулы, частицы плодородного слоя нашей планеты. Забавный сувенир выпускников-почвоведов. Зримое напоминание о корнях, о нашей общей Родине, о Земле...

Сирена даст нам команду на взлет. До нее считанные минуты.

Эти крайние мгновения томительны, растянуты. Каждый по-своему справляется с лихорадочным огнем, с истомой и скукой бесконечных секунд.

Я, к примеру, верчу в пальцах, разглядываю сережку Агнии.

Стартуем в 17.00 по Москве, с палубы «Алексея Косыгина».

Девятке наших «МиГов-80» предстоит работать по северному полюсу. По южному – натовцам. Китайцы координируют нас своими орбитерами.

Купить эту книгу в бумажном или электронном виде
можно в интернет-магазине издательства по адресу

<http://shop.fantaversum.ru/>

Задать вопрос о приобретении
можно по электронной почте

sales@fantaversum.ru